

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ФОЛЬКЛОР

В. Я. Пропп отмечал, что для западноевропейской науки, преимущественно немецкой и французской, характерно слишком широкое толкование предмета фольклора (Volkskunde). Такое понимание фольклора включает изучение не только устного народного творчества, но также обрядовой жизни и материальной культуры [Пропп 1976 : 17]. В настоящее время в германоязычных странах значение термина «фольклор» также практически сливается с термином «Volkskunde» [Гусев, Штробах 1991 : 136]. Наряду с этим В. Я. Пропп указывал, что на Западе под фольклором понимается *крестьянская культура* одного, причем в большинстве случаев своего, народа; культура своего народа служит предметом изучения фольклористики, или Volkskunde, а культура всех других народов, *в том числе первобытных* — предмет этнографии, или Völkerkunde [Пропп 1976 : 18—19].

Фольклор и мифология

Критикуя широкое понимание фольклора как предмета исследования, В. Я. Пропп выступал против отождествления этого понятия с понятием этнографии вообще и этнографии своего народа в частности. Приведем точку зрения этнографов: «С литературоведением этнография связана через фольклористику, изучающую устное народное творчество (сказки, легенды, песни, пословицы и пр.). Фольклористика — это обосо-

бывшаяся отрасль этнографии, и естественно, что каждый фольклорист есть в то же время и этнограф. Но устное народное творчество, как известно, питает и письменную художественную литературу: большинство писателей так или иначе черпает свои сюжеты, отдельные мотивы своих произведений из фонда народного творчества, перерабатывая его; народное творчество накладывает особый отпечаток и на самый язык литературных произведений. Поэтому фольклористика, не теряя связи с этнографией, в то же время рассматривается и как часть литературоведения» [Токарев 1968 : 12]. В дальнейшем мы увидим, что тезис о фольклористике как обособившейся отрасли этнографии упрощает картину. С одной стороны, не каждый фольклорист есть в то же время и этнограф, с другой — указание на то, что народное творчество питает литературу, не является объяснением связи фольклористики с литературоведением. Существуют фольклористы и фольклористы: фольклористы-этнографы и фольклористы-филологи. И те и другие начинают с созерцания одного и того же фрагмента реальности, но выделяют из него два различных предмета исследования.

Очень близко к такому пониманию проблемы подошел К. В. Чистов. Он исходил в своих рассуждениях, во-первых из принятого на практике определения предмета этнографии (история первобытного общества, этногенез, этническая история, этнические отношения, культура и быт народов) и фольклористики (устное народное поэтическое творчество), во-вторых, из принятого в теории положения, что фольклористика является одним из разделов этнографии [Чистов 1971 : 17, 24]. Приводя три взаимоисключающие точки зрения на взаимоотношения фольклористики и этнографии (фольклористика — наука филологическая, фольклористика — наука этнографическая, фольклористика независимая наука), он попытался их примирить с помощью тезиса о том, что специфика фольклористики заключается в единстве литературоведческого (фольклор связан *прежде всего* со словом) и этнографического начала ее предмета. Поэтому фольклористика «может рассматриваться и как одна из органических составных частей этнографии, и как одна из составных частей литературоведения» [Чистов 1971 : 17, 18].

Казалось бы, К. В. Чистов выразил ту же самую мысль, что и С. А. Токарев, может быть, более точно. Однако важно, как именно он аргументировал свою точку зрения относительно

двойной специфики фольклористики. «Это, — писал он, — прямо вытекает из природы фольклора: каждый фольклорный факт — одновременно явление народного искусства и народного быта» [Чистов 1971 : 17, 18]. Если проанализировать данную фразу, ее внутренний смысл (содержащаяся в ней *мысль*) намного шире ее синтагматики (*языковой формы*). Понятие «фольклорный факт» противопоставляется понятиям «явление народного искусства» и «явление народного быта», причем первое («факт») отражает *фольклорный акт* (действие, поскольку слово — это тоже действие) сам по себе (вещь «в себе»), являясь указанием на некий материальный репрезент, фрагмент действительности, а два других («искусство» и «быт») отражают свойства этого фрагмента действительности (вещь «для себя»). Очевидно, речь идет о двух различных предметах исследования.

Кажется, В. Я. Пропп был первым, кто придал современное звучание проблеме «фольклор и этнография», которая до настоящего времени сохраняет значение инструмента самоопределения фольклористики. Во-первых, по его мнению, наука о фольклоре должна охватывать духовную культуру всех народов [Пропп 1976 : 19]. Во-вторых, он не соглашался с тем, что термин «фольклор» или его эквиваленты могут распространяться на «ранние формы» материальной культуры и социальной организации изучаемых народов, ибо для этого существует наука этнография [Пропп 1976 : 17]. В конечном итоге, по версии В. Я. Проппа, фольклористика — это наука о духовной культуре,* этнография — это наука о ранних формах материальной культуры (включая социальную организацию). Часть современных исследователей, выступающих от имени фольклористики, придерживаются пропповской схемы, связывая понятие «этнографической реальности» с ритуалом, социальной организацией и материальной культурой, т. е. со всем тем, что *не относится* к понятию фольклора в узкой трактовке совокупности вербальных систем [Байбурин, Левинтон 1984 : 229—230].

В сущности во взглядах западноевропейских ученых нет ничего необычного, если учитывать историю появления терминов «Volkskunde», «мифология» и «фольклор» в качестве си-

---

* Термин «духовная культура» в данном контексте неточен, так как подразумевает не только фольклор и мифологию, но и религию.

нонимов «народной традиции». Социальным толчком к собиранию и осмыслению поэтического народного творчества явилось начало национального движения в странах Европы, которое в силу ряда исторических причин было особенно характерным для регионов со славянским и немецким населением. Первоначально еще не вполне отчетливое представление о предмете данной области знания реализовывалось в термине «*Volkskunde*» в значении, близком понятию мифологии («поэтического народного творчества») [Токарев 1978 : 22]. Речь идет об изучении мифологии в том смысле слова, которое ему придавал Якоб Гримм в «*Deutsche Mythologie*»: не только мифы как таковые, т. е. эддические мифы, но и так называемые языческие религиозные верования [Стеблин-Каменский 1976 : 61]. В России «народоведческое» («*Volkskunde*») направление было реализовано с открытием «Отделения этнографии» РГО (1847). В докладе его председателя Н. И. Надеждина обосновывалась идея изучения преимущественно «народности русской» [Токарев 1978 : 26]. По замечанию Зеленина до конца XIX в. основное внимание уделялось именно явлениям духовной культуры восточных славян [Зеленин 1991 : 13]. В указанном смысле понятие мифологии («*Volkskunde*») является эквивалентом понятия фольклора («*folk-lore*»), введенного английским историком Уильямом Томсом в 1846 г. для обозначения духовных традиций «народа» и «знания о народе» [Гусев, Штробах 1991 : 135]. Тесная связь российской и немецкой научной традиции объясняет, почему термин «фольклор» в России был принят только в конце XIX в.

Предельно широко понятие мифологии используется в работах А. А. Потебни, который включал сюда не только предания, верования, сказки, но и вещественные памятники, обычаи, обряды [Токарев 1978 : 22—23]. «Мифология, — писал Потебня, — есть история мифического мирозерцания, в чем бы оно ни выражалось: в слове и сказании или в вещественном памятнике, обычае и обряде» [Потебня 1976 : 426]. В связи с подобными высказываниями ему иногда приписывается попытка выразить идею «тождества мифа, действия и текста» в рамках проблемы проведения границ между мифом и ритуалом [Ревуненкова 1992 : 6]. На самом деле он, вероятно, имел в виду нечто иное, а именно: реконструкцию («историю») мифологических представлений, воплощаемых в том числе и в традиционной материальной культуре. Проблема «миф—ри-

туал» не являлась фактором его научного мышления, так как не была средством интерпретации значимой для него теории. Это, собственно говоря, то, с чего начиналась фольклористика. Как пишет М. И. Стеблин-Каменский, в «*Deutsche Mythologie*» Гримма реконструируются языческие верования из их следов в современной народной культуре (в виде топонимики, ономастики, фольклора и пр.) [Стеблин-Каменский 1976 : 59]. Английское «фольклорное общество» использовало понятие фольклора в значении «древних нравов, обычаев, обрядов и церемоний прошлых эпох, превратившихся в суеверия и традиции низших классов цивилизованного общества» [Гусев, Штробах 1991 : 136].

Таким образом, из последовательности и характера изменения в распределении (схождении / расхождении) значений терминов «этнография», «мифология» и «фольклор» вытекает, что две тенденции в определении границ исследований в области фольклора существовали всегда: широкое толкование предмета (*народная культура в целом*) и узкое толкование (*духовная культура народа*). Связано это с самим характером постановки задачи и метода ее решения — реконструкции архаических верований на основе изучения современной народной культуры, которая рассматривается как некая материнская «порода», содержащая в себе в виде вкраплений следы прошлых эпох. В. Е. Гусев и Х. Штробах сетуют на то, что подобные представления о фольклоре как реликтовом, пережиточном явлении в современной культуре имеют хождение до настоящего времени [Гусев, Штробах 1991 : 136]. В действительности в этом, казалось бы, устаревшем понимании задач исследований по фольклору, когда фольклор рассматривается как «пережиток» (в терминах теории этногенеза «субстрат») более древнего состояния культуры в эмбриональном виде, содержится то, что в XX в. стали называть структурным подходом. На наш взгляд, очень удачная формулировка сущности структурного («формального») подхода принадлежит Алану Дандису (он считает, что большинство ученых используют понятия структуры и формы как взаимозаменяемые): «Хотя конечной целью может быть историческая реконструкция, средством ее достижения является интенсивное исследование формы» [Dundes 1964 : 33, 34, 57]. Таким образом, речь идет об оборачивании в процессе исследования, т. е. имманентно, синхронического подхода в диахронический.